

О НЕИЗВЕСТНОМ ОМОНИМЕ СЛОВА *бразна*

Изучение лексического варьирования, которое мы находим в многочисленных списках какого-либо памятника языка, открывает широкие возможности для разного рода лингвистических наблюдений: для уточнения значения слов, для открытия новых значений, для изучения синонимических средств выражения, процессов архаизации слова и т. д. В этой заметке будет показано, как привлечение поздних списков к изучению лексики Изборника Святослава 1073 г. позволило установить, что в древнерусском языке у слова *бразна* существовал ни семантически, ни этимологически не связанный с ним омоним.

В рукописи Изборника 1073 г. на л. 69 г имеется следующий текст: *Жена зъла мжжоу грѣшьноу дастьсѧ. акы горько въздааниа былие дастьсѧ емоу. бразны грѣховныа погублядоушти*<sup>1</sup>, т. е. «Злая жена, погубляющая греховные *бразны*, даётся грешному мужу в качестве горького лекарства воздаяния». Не совсем понятным остается здесь слово *бразны*. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского это слово имеет единственное значение 'борозда' (Срезневский I, 165); среди цитат, иллюстрирующих это толкование, приводится и известная нам цитата из Изборника Святослава 1073 г. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» слово *бразна* толкует как 1) 'борозда' и 2) 'межа' и иллюстрирует эти значения не вызывающими сомнения текстами (СлРЯ XI—XVII вв. I, 314). И как ни странно и ни непонятно звучит метафора 'греховная борозда', с этим можно было бы и смириться: в древнерусских текстах встречаются и более замысловатые вещи.

Однако прочтение этого места в других списках обнаруживает любопытную картину варьирования слова *бразна*, что открывает новые возможности для анализа семантики этого слова. В Ег. (ГБЛ, собр. Егорова, ф. 98 № 745, перв. четв. XVII в.) *бразна* заменяется словом *бразда*; это, казалось бы, только подтверждает уже известное толкование слова. Но в Тл. (ГПБ, собр. Толстого, Q.I.208, XV в.) и в КБ-1 (ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 5/1082, XV в.) вместо *бразна* употреблено слово *гльньнъ*, а в Рм. (ГБЛ, собр. Румянцева, ф. 256, № 6, XV в.) в этом же контексте употреблено слово *страсть*<sup>2</sup>. Теперь уже было бы большой натяжкой утверждать, что 'греховная борозда' и 'греховная страсть' значат одно и то же. Может быть, *бразна* восходит не к праславянскому \**borzda*, а имеет какое-то другое происхождение?

В некоторых русских диалектах есть глаголы *браздаться* со значением 'пачкать, возиться в мокром, брызгать' (Даль<sup>4</sup> I, 123) и *брызгать* 'грязнить, пачкать' (Иванова. Подмоск., 44); в словенском языке *brazdati* 'пачкать' (Pleteršnik, 52); в словенском языке *brāžes* 'пачкаться' (Lorentz Sl. Wb. I, 65). Исходя из этого мы можем предположить, что *бразна* — производное существительное с суф. -*na*<sup>3</sup>

от глагола \**brazdati* : \**brazdna*. Последующая утрата конечного смычного в корне, свойственная некоторой группе славянских образований с этим формантом <sup>4</sup>, привела к возникновению формы *brazna* > *бразна* 2 со значением 'влага; грязь; слизь', может быть, даже 'экскременты'. К сожалению, нигде в словарях славянских языков и диалектов это слово с данным значением не зафиксировано. Лишь в качестве отдаленной параллели можно привести кашубские формы *brězga* 'ненастье, слякоть', *brězgavica*, *brězgocēna* 'грязь на дорогах', *brězgolina* 'плохо сделанное масло', *brězgula* 'пузырь на воде' (Sychta I, 68), восходящие к \**bryzg-*. О. Н. Трубачев, соотносящий \**brazd-* (\**brazg-*) с \**bryzg-*, объясняет неустойчивость корневого вокализма экспрессивностью этих слов (ЭССЯ 3, 11).

То, что возможность образования слова *бразна* 2 была действительно реализована в языке, доказывается лексическими заменами этого слова в поздних списках Изборника 1073 г. Ведь слово *гльнь* имело в древнерусском языке примерно те же значения 'мокроты, влаги, слизи' (Сл РЯ XI—XVII вв. 4, 32), 'желчи' (Срезневский I, 523), а в других славянских языках и более широкий спектр значений: 'подонки; глина; тина; экскременты; плесень; ил; помет; грязь' (ЭССЯ 6, 120). С прилагательным *грѣховнымъ* слова *бразна* 2 и *гльнь* употребляются метафорически, обозначая отвлеченное понятие непотребного, недостойного нравственного поведения, как это имеет место в рассматриваемом отрывке из Изборника 1073 г. Не удивительно поэтому, что в Рм. вместо метафоры употреблено абстрактное существительное *страсть* с тем же определением *грѣховнымъ*. Вместе с тем эти вариации показывают, что в XV в. слово *бразна* 2 'грязь' перестает употребляться в языке, по-видимому, как раз вследствие своей омонимичности слову *бразна* 1 'борозда' и заменяется в переписываемых списках Изборника 1073 г. синонимами. Писцу списка Ег. (XVII в.), наверное, известен уже только один из омонимов со значением 'борозда', которое он заменяет его более употребительным синонимом *бразда*.

Наконец, греческий текст Изборника (ГБЛ, Архив О. М. Бодянского (ф. 36), карт. 6, № 5) показывает, что др.-рус. *бразна* заменяет греч.  $\acute{\omicron}$   $\chi\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$  'влага, сок', образованное от глагола  $\chi\acute{\epsilon}\omega$  'лить, струить, проливать':  $\tau\omicron\upsilon\delta\acute{\omicron}$   $\chi\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$   $\tau\omega\upsilon$   $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\iota\omega\upsilon$   $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\alpha$ . Такой перевод был бы возможен, очевидно, лишь в том случае, если слово *бразна* действительно имело значение 'влага; грязь'.

<sup>1</sup> Цит. по изд.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.

<sup>2</sup> Выбор именно этих списков не случаен: они являются представителями групп типологически сходных между собой списков. См. об этом: Камчатнов А. М. Текстологический анализ списков Изборника Святослава 1073 г.

<sup>3</sup> См.: Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969, 75.

<sup>4</sup> См.: Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 234.